

Живущие рядом

**Екатерина
Мурашова**

Екатерина Вадимовна Мурашова

Живущие рядом (сборник)

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19263685

Живущие рядом:

Аннотация

«Жучок и Волчок – две небольшие дворняжки, живущие между двумя хрущевками в районе Краснопутиловской улицы. Уже второй год я вижу их почти каждый день, когда иду на работу...»

Содержание

Жучок и волчок.	4
Дашка	16
Про медведей.	31
История первая.	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Екатерина Мурашова

Живущие рядом

Жучок и волчок.

Жучок и Волчок – две небольшие дворняжки, живущие между двумя хрущевками в районе Краснопутиловской улицы. Уже второй год я вижу их почти каждый день, когда иду на работу.

Жучок – добродушный и весь какой-то сдобно-фруктовый. Шерсть у него нежно-кремового цвета, глаза зимой похожи на сливы, а летом – на шоколадные конфеты, хвост напоминает свежий бублик с маком (в красивой сливочной шерсти Жучка всегда много всякого сора), а уши – мягкие треугольные печенюшки. Характер у Жучка тоже вполне кондитерский: он часто улыбается, любит детей и старушек, позволяет им себя гладить, ласкать и трепать за уши. Ясно, что когда-то Жучок был домашней собакой. Как он оказался на улице – неизвестно. Голос у Жучка застенчивый и высокий. Когда он лает, то отчетливо выговаривает: «Тяф, тяф, тяф!» На вид Жучку около трех-четырех лет.

Волчок – во многом противоположность Жучку. Он нелюдим, всегда насторожен, небольшие темно-желтые глаза смотрят с опаской и одновременно с угрозой. Внешность

Волчка описать просто: он волк. Только маленький, сантиметров 40 в холке. Сейчас Волчку около двух лет, и я знаю его с самого детства. Родился Волчок в «болоте», в кустах около автостоянки.

«Болото» – странное место, учитывая, что расположено оно в самом центре жилого квартала. Московский район – сравнительно молодой район Петербурга, и его земля словно еще не окончательно смирилась со своей городской судьбой. В 100 метрах от нашего дома после каждого затяжного дождя пытается возродиться засыпанный пруд (рогоз и тростник на этом месте растут все лето). На поле, где выгуливают собак, весной останавливаются на ночлег пролетные утки. Осенью во дворах хрущевок дети собирают розовые тонконогие сыроежки. «Болото» – явление из этой же серии. Сквозь него проложена дорожка из бетонных блоков, по которой и ходят все, кому надо – мамы с детишками в поликлинику, дети постарше в школу, взрослые – на работу, старушки – в магазин и опять же в поликлинику. По обеим сторонам бетонной дорожки – лужи, не пересыхающие даже летом. В лужах – огромное обилие комариных и прочих личинок. Здесь же водятся хвостатые тритоны, похожие на маленьких драконов. Прямо из воды растут кусты вербы, краснотала и жидкий ольховник. Весной и летом в них гнездятся пеночки, зарянки, синицы и другая птичья мелочь. Понятно, что «болото» – любимое место для прогулок окрестных пацанов от 8 до 13 лет. Здесь же происходят и всякие

криминальные вещи. Вечером, как стемнеет, все приличные люди предпочитают идти в обход, по Ленинскому проспекту. Через «болото» ходят лишь самые отчаянные. Роль собаки Баскервилей в «болоте» успешно выполняет Волчок. У него низкий, хриплый, словно простуженный голос. Лаять по-собачьи он почти не умеет, и, когда пытается, получается нечто среднее между лаем и воем: «Ха-у-у! Ха-у-у!» Если вечером Волчок отправляется в «болото» поохотиться на лягушек или птиц, то он обязательно облаивает каждого незнакомца, проходящего по бетонке (людей, постоянно ходящих по кварталу, Волчок и Жучок узнают. Вероятно, по запаху). Колоритность «болота» от этого, несомненно, усиливается.

С одного из боков к «болоту» примыкает автостоянка. Мать Волчка одно время жила при ней. Потом куда-то исчезла. Однажды поздней весной, когда уже вовсю пригревало солнышко, я через «болото» шла на работу в поликлинику, и вдруг увидела за лужей, на полянке между ивами трех играющих щенков. Картина чем-то удивила меня. Щенки были еще совсем маленькие, толстенькие, головастые, совершенно одинаковые между собой. Они пытались укунить друг друга, ворчали, кувыркались, словом, вели себя, как нормальные обычные щенки. Мать – дворняжка с автостоянки, лежала поодаль на солнышке и лениво, приоткрыв один глаз, наблюдала за детьми. Широко улыбнувшись, я двинулась дальше и вдруг остановилась, как вкопанная, разом догадавшись, что именно меня задело. Щенки, играющие на

полянке, совершенно, в деталях повторяли внешность и пластику играющих волчат (которых я много раз видела, когда занималась в кружке, а потом и работала в Зоопарке). Я вернулась и поглядела еще раз. Щенки продолжали возиться, а мать насторожилась и даже приподнялась на передних лапах. Все точно: шерсть, пропорции, окраска, мордочки. Все, как у лесных волков, кроме размеров. Щенки были раза в два с половиной меньше волчат. – «Удивительно!» – вслух сказала я, покачала головой и пошла на работу.

Потом я видела щенков много раз, наблюдала за их ростом. Сходство с волками не исчезало. Более того. Несколько раз я видела совершенно поразившую меня картину: щенки-подростки бежали по краю болота, явно взяв чей-то след. Они бежали друг за другом, опустив морды к земле, нос в хвост, и каждый следующий ступал в следы предыдущего. Рискуя замочить ноги, я перебралась к забору и рассмотрела оставленные на мокром песке следы. Все было именно так, как я и предполагала: ровная, словно по линейке проложенная стежка следов, задние лапы ставятся в следы передних и только индейский следопыт разберет, сколько животных здесь прошло. Именно так ходят по лесу волчьи выводки. М-м-да!

К осени из трех щенков остался один. Что стало с двумя другими – не знаю. Может быть, погибли, а может быть, кто-нибудь взял их к себе в дом или на дачу. Щенки были странноватые, но по-своему симпатичные. Куда-то подевалась и

дворняжка-мать.

Волчок, оставшись один и окончательно одичав, некоторое время жил на «болоте». Жилось ему явно нелегко. Он голодал, все ребра просвечивали, как на рентгене, глаза постоянно гноились, а на морде появился жуткий багровый шрам.

Трудно представить себе, как именно познакомились, и особенно подружились суровый болотный дикарь Волчок и добродушный толстенький Жучок, который проводил свои дни на детских площадках и под скамейками у ног говорливых старушек. Но это случилось. Ясно, что инициатива исходила именно от Жучка. Он вообще любит всех маленьких, а Волчок, несмотря на свою внешность, все-таки был в ту пору еще почти щенком. Как бы то ни было, но однажды утром я обнаружила обоих песиков спящими вместе на куче опавших листьев. Решила – случайность. Но ошиблась.

С тех пор Волчок и Жучок живут вместе. Их территория простирается от южного края болота до Краснопутиловской улицы. Дикий Волчок иногда по старой памяти ходит на «болото» – погулять и поохотиться, «приличный» Жучок – никогда. Когда друг уходит на промысел, Жучок бегаёт по краю «болота» или сидит, вытянув морду в том же направлении. Он явно ждет и нервничает, и иногда даже возмущенно подтягивает: «Тяф! Тяф! Ну скоро ты там?!»

Свой участок Жучок и Волчок охраняют. Они знают всех людей и всех собак, живущих на «их» территории, узнают даже тех, кто постоянно ходит мимо (например, меня). Чу-

жих они облаивают в два голоса и показывают им, насколько они здесь неуместны.

Жители трех окрестных хрущевок благоволят приятелям и подкармливают их. У Волчка больше не торчат ребра (хотя таким же круглым и сдобным, как Жучок, он, естественно, не стал). Обе собаки еще относительно молоды, и поэтому часто играют – перетягивают старые выброшенные тряпки, отбирают друг у друга палки. Жучок бегает за детьми, идущими в школу – выпрашивает подачки. Волчок стоит поодаль, наблюдает. Дети, которые по-своему любят справедливость, отталкивают умильную морду Жучка и бросают куски Волчку. Волчок молча ест. Жучок, кажется, не обижается. Старушки и старички, которые целенаправленно кормят друзей, тоже стараются соблюдать равенство. «Где твой приятель-то?» – спрашивают они у Жучка, выющегося у их ног, и подслеповато щурясь, оглядываются по сторонам. Персиковая шерстка Жучка буквально светится, а вот Волчка разглядеть действительно трудно, даже если он рядом. Его окраска отчетливо покровительственная, и он буквально сливается с фоном, тем более, что, как и все хищники, может долго стоять, абсолютно не шевелясь.

Жучок любит спать, развалившись поперек дорожки. Волчок спит в двух шагах от него, внутри куста. Иногда это даже пугает: идешь мимо и чувствуешь, что куст на тебя смотрит. Заглянешь под ветки, а там – Волчок. Еще Волчок очень любит лежать на вершинах куч земли или опав-

ших листьев (их часто оставляют в наших краях строители или дворники) и оглядывать окрестности. Поза у Волчка при этом очень гордая и изящная. Дети квартала говорят, что Волчок похож на Акелу на скале Совета. Несомненно, они правы.

Прошедшая зима была довольно холодной. Иногда температура падала до $-20-25$ градусов. Жучок и Волчок провели ее на улице. Я не раз видела, как жители хрущевок в холодные дни приглашали собак в парадные – погреться. Жучок, бывшая домашняя собака, явно склонен был согласиться. Волчок, никогда в жизни не бывавший в замкнутом помещении, отказывался. Жучок расстраивался, но друга не покидал.

Дикий Волчок умеет делать «лежки» в опавших листьях и в снегу. Когда он сворачивается и ложится в них, то снаружи остается только небольшой клочок шерсти, прикрытый кончиком хвоста. Жучок «лежек» раньше не делал, но теперь, кажется, научился. А может быть, все «лежки» делает Волчок, а потом уступает одну из них приятелю?

Когда я вернулась на работу после отпуска, то обнаружила, что Волчок исчез. Одинокий Жучок бродил по кварталу и смотрел на всех грустными шоколадными глазами. Что случилось с Волчком – погиб, попал под машину, убили какие-нибудь нелюди? Представить себе, что кто-нибудь взял домой взрослую дикую дворняжку, казалось невозможным... Потом вдруг я увидела под знакомой березой два

свернувшихся клубка. Неужели вернулся Волчок?... Где-то залаяла собака. Клубки тут же развернулись и вскочили. Один из них оказался Жучком, а другой... другой был незнакомым тонколапым щенком-подростком с лисьей мордочкой и какой-то долей коллиной крови. Вот так, – подумала я. – Этого, в сущности, и следовало ожидать. Наставник молодежи Жучок, оставшись один, подобрал себе новую пассию из брошенных и потерявшихся собачек. Жизнь продолжается...

А еще через неделю вернулся Волчок. Где он был? Нет ответа. Может быть, любовь?

Щенка колли Волчок, вовсе не разделяющий любвеобильности Жучка, прогнал в первый же день. Щенок, по счастью, не погиб, а прибился к стае собак, живущей возле больницы им. Костюшко. Недавно я его там видела. Жучок, судя по всему, на самоуправство Волчка не обиделся, размышляя в пределах пословицы: «Старый друг лучше новых двух».

Однажды днем я шла с работы и даже слегка удивилась, отметив отсутствие Жучка и Волчка в переделах видимости. Пройдя еще метров сто, услышала лай. Лаял Жучок, которого не было видно из-за зарослей пожухлой травы. Волчок стоял около строительного бетонного забора. Вся его поза выражала настороженность и тревогу. Что-то в этой картине встревожило и меня. Я остановилась и огляделась вокруг.

– Кошку, должно быть, гоняют, – охотно откликнулась одна из трех сидящих на скамейке старушек, поймав мой ищущий

щий взгляд. – Она от него под забор, вот он и сердится...

– Это не охотничий лай, – возразила я. – К тому же Жучок не охотится на кошек. Он к ним равнодушен.

– Ну тогда может, лягушка, – поддержала разговор другая старушка. – Или пьянчужка какой под забором уснул. Жучок пьяных не любит...

В это время Волчок поднял острую морду и завыл, словно обвиняя в чем-то хмурое, тяжелое небо. Я перехватила сумку и решительно зашагала к забору. Трава влажно шуршала, а репы радостно повисали на моих брюках и куртке. Жучок выскочил мне навстречу и, не переставая лаять, закрутился вокруг.

Раздвинув чертополох и репейник, я увидела скрюченную фигуру пожилого мужчины. Венчик седых волос вокруг лысины шевелился от ветра и контрастировал с жуткой неподвижностью самого человека. Рядом валялась коричневая кожаная сумка, из которой выкатились на траву две бутылки. Я бросила сумку и зонтик, встала на колени и осторожно перевернула лежащего человека. Спиртным не пахло, губы синие, запавшие виски, вокруг глаз – черные круги. Сердечный приступ – решила я. Вой Волчка сменился хриплым кашлем. Жучок заглядывал мне под локоть. В шоколадных глазах был вопрос. Я поискала пульс сначала на тонком сером запястье, потом на шее. Не нашла. То ли нет, то ли я не умею искать. Я не медик, но делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца меня учили еще в Университете, на

военной кафедре. Достала из сумки бумажный одноразовый платок, расстегнула байковую детскую курточку, явно купленную в секунд-хэнде.

– Жучок, приведи кого-нибудь сюда! Быстро! Беги! – сказала я, начиная массаж.

Жучок завертел головой, дернулся в направлении скамейки со старушками.

– Нет! – возразила я, не отдавая себе отчета в том, что говорю с собакой, как с человеком. – Кто-то другой, кто может бегать. Дети! Иди на площадку, Жучок! Приведи детей! Дети! Ищи!

Жучок скрылся, в траве сбоку блеснули настороженные глаза Волчка.

– Голос, Волчок! – потребовала я. – Голос! А-у-у! – коротко провыла я, подражая зимним песням волков.

Волчок шарахнулся в сторону и сразу же залился хриплым срывающимся лаем.

Сколько прошло времени, не знаю. В бок ткнулся нос Жучка, и сразу же встревоженные детские голоса:

– Чего тут? Дай я посмотрю! Пусти! Я этого дедушку знаю. Он в 94 доме живет!

Один из ребятешек – мой старый клиент. Дисграфия, гипердинамический синдром... Как же его зовут? Необычное какое-то имя... Тимур!

– Тимур?

– Что, Екатерина Вадимовна?

– Быстро беги на станцию скорой помощи. Это сразу за поликлиникой. Там машины стоят. Знаешь?

– Да, знаю. Что сказать?

– Скажи, человек без сознания. Возможно, сердце. Возможно, нужна реанимация. Быстро бегите, все, изо всех сил...

Машина подъехала довольно быстро. Знакомый врач (когда-то он работал в нашей поликлинике) командовал «загрузкой», продолжая массаж. Рядом суетилась женщина, обламывавшая головки ампул. Дети и Жучок заглядывали на носилки. Волчок жался к забору. Я растирала онемевшие кисти рук.

– Что? – спросила я.

– Видимо, инфаркт, – коротко ответил врач.

«Жить будет?» – хотела спросить я, но фраза показалась слишком киношной.

– Вытащите?

– Не знаю. Попробуем. Вот эта, что ли, собачка, его нашла? – врач кивнул на Жучка.

– Да, да, да... – загомонили дети.

– Молодец, песик, – врач наклонился и потрепал Жучка по загривку. – Дайте ему колбасы, что ли...

Скорая отъехала.

– Пойдем, Жучок, пойдем, – засуетились ребята.

Я поняла, что сейчас Жучок хорошо поест. Волчку, впро-

чем, тоже достанется.

– Кто знает, где живет дедушка?

– Я только дом... – самый маленький из детей.

– Хорошо, идите к старушкам на скамейки. Отнесите сумку. Расскажите все. Они всех знают. Предупредите родственников дедушки. Если он живет один, пусть бабушки позвонят к соседям. Родственники могут жить отдельно. Все поняли?

– Все. Все сделаем, Екатерина Вадимовна. Не беспокойтесь, – сказал Тимур. Серьезный, вырос. Хотела спросить про учебу, передумала. Причем тут учеба?

Дети ушли. Жучок прыгает вокруг. Волчок идет сбоку. Старушки на скамейке вытягивают шеи, ждут новостей. Я подбираю свою сумку, зонтик, иду домой.

Скоро зима. Средняя продолжительность жизни бродячих собак – 3 года. Жучок уже прожил этот срок. Волчку – третий год. Переживут ли они эту зиму? Домашние собаки в среднем живут около десяти лет. Жучок и Волчок привыкли к такой жизни. Им не надо другой. Это редкость. Большинство собак, оказавшись на улице, страдают и погибают. Оглянитесь вокруг. Может быть, вы можете что-то сделать?

Дашка

Мы нашли сорочонка на дороге. Точнее, в придорожной канаве. Он был весь мокрый и взъерошенный. И похож на очень грязный ершик для чистки бутылок. Только глазки у него блестели, как бабушкин бисер.

Ванька сказал мне:

– Не подходи. Это, наверное, крыса. Она тебя укусит и ты заболеешь чумой, холерой, бешенством и поносом.

Я сказала:

– Ты, Ванька, конечно, глупый. Какая же это крыса, если у нее всего две ноги и перья. Это, конечно, птенец. Он, конечно, выпал из гнезда и потерялся. А серый он просто от грязи. И мы, конечно, должны его спасти.

И я закатала штаны и полезла в канаву. А Ванька отошел на другую сторону дороги и сказал:

– Ну вот ты его и спасай. А я домой пойду. А то меня мама заругает.

Я сказала:

– Конечно, иди домой, Ванька. Все равно от тебя никакой пользы. Только беспокойство одно.

Тогда Ванька надулся, шмыгнул носом, подтянул штаны и сказал:

– А вот и не уйду никуда.

Но мне было уже некогда с ним разговаривать. Я подошла

к птенцу вплотную и стала примериваться: как бы мне его поудобнее схватить. Птенец от страха запрокинул назад голову, закатил глаза и затих, как будто упал в обморок. Я взяла его с боков двумя руками, осторожно, чтобы не помять крылья, а лапки оставила свободными. С лапок и с хвоста капала грязь.

Канавка в этом месте была неглубокая, чуть выше колена, но мои штаны все равно намокли. Берег у канавки был крутой и, когда я вылезала наверх, мне приходилось упираться в него лбом и локтями, потому что обе руки у меня были заняты.

На дорогу я выползла на четвереньках и была, наверное, еще грязнее птенца, потому что Ванька засмеялся и сказал:

– Ну и влетит же тебе дома!

Я повернулась к Ваньке спиной и оглядела птенца со всех сторон. Он двигал обеими лапами и вытягивал шею. На вид он был вполне целый и здоровый. Ванька обошел меня сбоку и протянул руку, чтобы потрогать птенца за клюв.

– Не тронь, Ванька, холерой заболеешь! – сказала я и пошла домой.

Когда мама меня увидела, она всплеснула руками и сказала, глядя куда-то вдаль:

– Не понимаю, как один ребенок всего за два часа может собрать на себя столько грязи!

А бабушка сказала:

– По-моему, их уже двое.

– Кого двое? – удивилась мама и посмотрела уже прямо на меня. И на птенца. А потом спросила железным голосом. – Что это ты опять притащила?! Орнитоз хочешь схватить, да?!

– Это не что, а кто, – объяснила я. – Он выпал из гнезда. Он поживет у нас, конечно, совсем недолго – пока не вырастет.

– Господи! Да когда же ты сама, наконец, вырастешь! – закричала мама, глядя куда-то на соседний участок.

Когда она меня так воспитывает я всегда вспоминаю, как зимой была во взрослом театре, и там артисты точно также кричали, и смотрели куда-то в конец зала.

– Но я к этому... этому... даже не подойду, – сказала мама, и я поняла, что она разрешает оставить птенца. – Хватит с меня прошлого раза. Я тогда чуть... чуть с ума не сошла! – мама потерла руками виски и ушла на веранду.

В прошлый раз я принесла из лесу ужонка. Он жил у меня в щели под кроватью и по утрам пил молоко из блюдечка. И при этом быстро-быстро высовывал раздвоенный язычок. А потом приехал какой-то мамин знакомый и сказал, что это вовсе не ужонок, а маленькая гадюка. Мама тогда так кричала, что я боялась оглохнуть на всю оставшуюся жизнь. Гадюку Машку я отнесла на луг, а потом меня три дня не выпускали с участка, хотя я так и не поняла, за что. В самом деле, откуда я могла знать, что Машка ядовитая, если она меня ни разу не укусила?

Мы с бабушкой и с дядей Володей устроили птенцу гнездо в большой плетеной корзине, которая накрывалась плетеной крышкой. Бабушка сказала, то там ему будет спокойно и воздуху достаточно. Потом мы протерли его мокрой тряпочкой и оказалось, что он совсем не серый, а черный с белым. Грудка, бока и живот белые, а все остальное – черное. Бабушка сказала, что птенец, наверное, голодный, и его нужно накормить. А дядя Володя объяснил, что это птенец сойки и кормить его нужно червяками. И ушел на работу. А бабушка ушла стирать.

Я перевернула все камни вокруг клумбы и наловила пол майонезной банки разноцветных червяков. Потом высыпала их на блюдечко и поднесла сорочонку. Он на них даже не взглянул. Бабушка сказала, что ему нужно давать червяков по частям и пихать их прямо в клюв, потому что так делали его родители. Иначе он есть не привык и может умереть с голоду. Мне совсем не хотелось резать червяков на части, но еще меньше хотелось, чтобы сорочонок умер от голода. И пока я решала, кого мне больше жалко, почти все червяки уже уползли с блюдечка и осталось совсем немного. Сорочонок увидел это, тяжело вздохнул, примерился и клюнул одного из оставшихся червяков. По червяку он не попал, но я тут же взяла червяка пальцами и сунула ему в клюв. Сорочонок раскрыл рот, дернулся и быстро проглотил червяка. Потом еще одного. А потом и всех остальных тоже. И объелся. Он раздулся как шар, ноги у него подогнулись, а глаза

подернулись мутно-белой пленкой. Я даже испугалась, как бы он не умер от жадности. Но он не умер, а привалился к стене корзины и заснул. Я закрыла корзину крышкой и задвинула ее под стол.

Назвали сорочонка Дашкой. Сначала я кормила его червяками, но потом поняла, что это не обязательно. Потому что сорочонок ел все. Вареную картошку, хлеб, кашу, мясо, конфеты, фантики, стручки гороха, мою мозаику, бабушкины папиросы и многое другое. Наевшись всякой дряни, Дашка садилась на бельевую веревку, раскачивалась на ней и тихо стонала, страдая от своего обжорства. Но довольно скоро она научилась отличать съедобные вещи от несъедобных.

Почти в это же время Дашка начала летать. До этого она просто перепрыгивала с одного места на другое, взмахивая крыльями. Почувствовав, что окрепшие крылья держат ее в воздухе, Дашка дотемна кругами летала над нашим участком и истошно кричала. Наверное, сама удивлялась своим способностям. Или хотела, чтобы мы тоже полюбовались на то, как здорово она летает. Я кричала ей:

– Молодец, Дашка! Здорово у тебя получается!

Дашка отвечала мне громким стрекотанием, а мама зажимала пальцам уши и кричала, что мы сведем ее с ума. Все вместе получалось довольно громко. К нам даже соседи с других участков заглядывали и спрашивали, не случилось ли что.

Когда стемнело, Дашка слетела ко мне на плечо и долго там переминалась и пощипывала меня за ухо. Но я и так понимала, что у Дашки сегодня был важный день. Для птицы первый раз полететь, это, наверное, все равно что для нас первый раз в школу пойти.

И еще я заметила, что Дашка здорово выросла. Особенно вырос хвост. Он был почти в два раза длиннее самой Дашки, и черные перья в нем отливали малиновым и зеленым цветом.

– Ты очень красивая сегодня, Дашка, – сказала я и почесала Дашкину шею. Дашка затопталась на моем плече и ласково заворковала. А потом вытянула шею и дотронулась клювом до кончика моего носа. Наверное, это было их сорочье «большое спасибо».

А потом начались Дашкины проказы. Каждый день что-нибудь происходило.

То Дашка отщепит и разбросает по саду все прищепки с белья, которое повесили сушиться во дворе. Подует ветер – все белье разлетается в разные стороны и разноцветными парусами повисает на кустах и деревьях.

Или сварит бабушка молочный суп и оставит его остывать на столе на веранде. А Дашка потихоньку заберется в форточку и искупается в нем. Зайдет бабушка на веранду и ничего понять не может: отчего это на люстре лапша висит?

Вообще Дашка очень любила купаться и купалась все рав-

но в чем. Хоть в молоке, хоть в стиральном порошке – ей все годится. Стирает мама белье, а Дашка – прыг к ней в таз и плещется там. Потом вылезет вся в пене, переливается на солнце как мыльный пузырь. Заберется на перила и кашляет: «Эх-хе-хе!»

Всем известно, что сороки – воровки. Наша Дашка тоже воровала. Только как-то неумело. Как украдет, так обязательно либо уронит по дороге, либо спрячет где-нибудь на самом видном месте. А потом устроила склад ворованных вещей в маминых выходных босоножках с острыми носами. Только мама соберется в город, оденет босоножки: что такое?! Мешается что-то! Поглядит, а там – сыр засохший, кусочки фольги, бусинка, стеклянный глаз от моей плюшевой собачки... Выкинет все, уходит, а Дашка сзади боком скачет, за ноги щиплется и ругается: «Кхе-кха! Кхе-кха!»

А вообще-то Дашка была очень честной птицей. Утащит что-нибудь, а на это мест цветочек положит. Чтобы все знали, кто вор.

Из еды Дашка больше всего любила ириски. Но не целые – они для нее слишком твердые – а уже разжеванные, мягкие. Разжую я ириску, зажму ее в зубах, раздвину губы и зову: «Дашка, ириска!» – Дашка прилетит, сядет на плечо и клювом ириску у меня из зубов выковыривает, старается.

Пока Дашка была маленькой и только в доме проказила, все было ничего. Но вот она подросла, стала летать по всему поселку. И начала приносить всякие вещи. То пуговицу

принесет, то бусинку, то землянику-ягоду. А один раз сережку притащила, с камушком. Мама объявление на столбе повесила. Сережку девушка какая-то забрала. Веселая. Долго смеялась, Дашку печеньем кормила.

А потом какой-то дяденька пришел и сказал, что у него серебряная столовая ложка пропала. Не вашей ли, мол, сороки дела. А Дашка вся ростом со столовую ложку. Дядя Володя ему это объяснил и он ушел, но, по-моему, не очень нам поверил.

А вечером еще один мужчина пришел. У него пропала какая-то деталь от насоса, весом килограмма два. Чего он от нас хотел – я так и не поняла. Может, он сорок никогда не видел и думал, что они размером с орла. Я ему на всякий случай Дашку показала и объяснила, что вот это и есть сорока. Он, кажется, обиделся.

А еще дня через два наша соседка, Ванькина мама, положила у себя на участке землянику, сняла часы и положила их на скамейку. А когда спохватилась, глядь: вместо часов цветочек лежит...

Когда она к нам прибежала, у нее лицо было серое с красными пятнами, и говорить она совсем не могла, только руками размахивала. Я даже подумала: не заболела ли она одной из тех болезней, которыми постоянно пугает Ваньку? Сам Ванька плелся позади матери и повторял: «Я же говорил... Я же говорил...»

Соседка потребовала, чтобы мы немедленно вернули ей

золотые часы, которые украла у нее наша сорока. Я сказала, что никаких часов у нас нет. С ней от моих слов почти что припадок сделался. Мама бросилась ее успокаивать, говорила, что часы обязательно найдутся, что Дашка не могла их далеко унести... Но соседка не успокаивалась и все кричала про меня и про маму что-то такое обидное и не совсем понятное... А Ванька топтался сзади и бубнил: «Я же говорил... Я же говорил...» – Мне очень хотелось его хорошенько стукнуть, но я сдерживалась – и так крику много.

И еще два дня соседка из-за забора по-разному нас обзывала. А потом как-то сразу перестала. И Ваньке запретила со мной водиться. Наверное, нашла свои часы, но не хотела, чтоб мы знали. Ведь они и вправду для Дашки были тяжелые. Она их, наверное, тут же в траву и уронила.

А мама после этого случая сказала, что от Дашки нужно избавляться, пока она нас до суда не довела. И дядя Володя отнес Дашку в лес.

Я почти всю ночь не спала и все думала о том, как Дашке одной ночью в лесу плохо и страшно. И еще о том, что без Дашки мне будет совсем скучно и одиноко. У мамы свои дела и свои друзья, бабушка всегда занята, а соседский Ванька трусливый и противный. Правда, дядя Володя иногда играет со мной, и даже ветряную мельницу смастерил, но ведь у него работа и свой собственный взрослый сын Сашка, который перешел уже в седьмой класс и на меня не обращает никакого внимания. Я всегда хотела иметь собаку, но мама

говорит, что от собаки вонь и грязь. А Дашка, она ведь была лучше любой собаки... От этой мысли я чуть не заплакала, но закусил губы и несколько раз сильно выдохнула носом в подушку. Это очень верный способ, чтобы не плакать. Потом я еще немного подумала и не заметила, как уснула.

А утром, не дожидаясь завтрака, побежала на то самое место, где дядя Володя оставил Дашку.

Дашка сидела на вершине елки. Я позвала ее и она сразу же слетела ко мне на плечо, больно ущипнула за ухо и сказала: «Кхе-ха!» – А я подумала, что даже если бы она откусила мне пол уха, то и тогда была бы совершенно права.

Всю дорогу Дашка сидела у меня на плече и время от времени сердито кашляла. Меня, конечно, уже искали. Сашка побежал к пруду, а дядя Володя пошел к автобусной остановке. Мама, увидев нас, ничего не сказала, только тяжело вздохнула. А бабушка пробормотала: «Слава тебе, Господи, нашлась! Не взяли греха на душу.»

И Дашка снова стала жить у нас в доме и на участке. Она продолжала проказничать и заодно вела войну со всеми, кто покушался на ее территорию и права. Врагов было немного: две рыжих белки, кот Антон и дворовый пес Тузик.

С белками Дашка расправилась быстро. Испуганно цокая, они покинули обжитое дупло, а расвирепешшая сорока еще долго трепала и развеивала по ветру остатки дупляной подстилки.

Тузик тоже не представлял особой опасности. Он сидел на

цепи, и поэтому Дашка могла сколько угодно выводить его из себя, прогуливаясь в нескольких сантиметрах от запретной черты, до которой он мог дотянуться зубами или лапой.

Оставался Антон. Он был толст и ленив, но иногда в глубине его рыжих глаз вспыхивали зеленые огоньки, и огромные когти словно сами собой выползали из кожаных футляричков.

Прогнать Антона было невозможно. Значит, его следовало напугать, чтобы раз и навсегда отучить смотреть на Дашку как на возможный ужин. Дашка терпеливо поджидала подходящего случая. И случай настал.

Наевшийся Антон улегся отдохнуть в тени вывешенного на просушку белья. Он задремал и только изредка подергивал во сне лапами. Наверное, ему снились приятные охотничьи сны.

В это время в саду появилась Дашка. Она присела на веревку и начала осторожно, боком продвигаться к тому месту, под которым спал Антон. Потом двумя ловкими движениями отщепила и отшвырнула в сторону прищепки. Замерла, наклонив головку, вглядываясь в своего врага. Антон даже ухом не повел. Тогда Дашка отодвинулась чуть-чуть в сторону и стала тихонечко стягивать занавеску с веревки. Потянет-потянет, поглядит на Антона. Потом опять потянет. Наконец занавеска соскользнула с веревки и упала на кота. И в тот же миг сверху с победным кличем кинулась на него Дашка. Бедный Антон вскочил на ноги, запутался в занавес-

ке, упал, зашипел, забился, отчаянно дрыгая всеми четырьмя лапами. Дашка, не переставая кричать, клевала его сверху куда попало. Антон взвыл. На шум выскочили из дома мама и бабушка. И мы все вместе бросились спасать Антона. Он оцарапал мне руку и убежал. А Дашка в пылу битвы клюнула бабушку в палец, да так сильно, что палец к вечеру распух. Бабушка громко стыдила Дашку, а та садилась к ней на плечо, виновато кряхтела и ласкалась: пощипывала за ухо, терлась головой о волосы.

Антон прятался где-то два дня. Вернувшись, он сожрал целую миску мясных щей со сметаной, а когда появилась наша сорока, сделал вид, будто на свете нет и никогда не было никакой Дашки. С этого дня глаза его больше не загорались зелеными огоньками и скользили по Дашке, как по пустому месту. Дашка, наверное, тоже была удовлетворена, и никаких военных действий против Антона не предпринимала.

А потом Дашка как-то вдруг научилась говорить. Говорила она немного, всего 5 слов, но зато очень чисто, чуть растягивая букву «р». Мама утверждала, что Дашка говорит с французским акцентом. Вот какие слова знала Дашка: ириска, папироска, держи, кошмар и караул. Почему именно эти? А кто ее знает! Говорить Дашку никто не учил – сама выбрала.

Этими пятью словами Дашка еще больше «украсила» нашу жизнь. Утром мы просыпались от ее истошных воплей:

«Кар-раул! Держи! Кар-раул!» – Вечером она ходила по столу на веранде и клянчила, наклоня головку то в одну, то в другую сторону: «Ир-риска! Папир-роска!»

Когда к маме приходили гости, не было для Дашки большего удовольствия, чем незаметно пробраться в комнату и где-нибудь в середине разговора перебить кого-нибудь из гостей громким криком: «Кошмар-р!» – После этого Дашка сразу же оказывалась в центре внимания, топорщилась от удовольствия и раскланивалась.

Однажды рядом с нашим домом чинили линию электропередачи. Люди в толстенных резиновых перчатках залезали на столбы и что-то там отвинчивали, привинчивали, заменяли на новое. Крючья, с помощью которых они удерживались на столбах, назывались очень смешно – кошки. Дашка, сидя на проводах, с любопытством наблюдала за их работой.

Как-то раз, завтракая на веранде, я услышала дашкин «кошмар-р!» и еще чьи-то громкие крики. Я выбежала на крыльцо и увидела такое, что чуть не лопнула от смеха. Дашка прицепилась к заднему карману висящего на столбе монтера и деловито выбрасывала оттуда гайки, шурупы, мотки проволоки, монетки...

Монтер беспомощно размахивал рукой (вторая у него была занята) и кричал почему-то с дашкиным акцентом:

– Убер-рите сор-року! Убер-рите сор-року!

– Кошмар-р! Кар-раул! Дер-ржи! – вторила ему Дашка.

– Девочка, это твоя сорока?! – закричал монтер, заметив меня. – Убери ее немедленно! Р-работать мешает!

– Кар-раул! – крикнула Дашка и достала из кармана блестящий серебряный рубль.

– Дашка! Иди сюда! – позвала я и похлопала себя по плечу.

Но Дашке так понравился рубль, что она сама уже отцепилась от кармана монтера. Зажав в клюве добычу, она перелетела через дорогу и, петляя между деревьями, скрылась в лесу. Монтер проводил ее глазами и сказал:

– Безобр-разие!

– Дяденька! – сказала я. – Не сердитесь на Дашку! Она же птица. А рубль я вам отдам. У меня в копилке есть...

– Да причем тут рубль! – ответил монтер, немного подумал и улыбнулся.

Деревья уже начали желтеть, а по утрам на перилах крыльца появлялся иней. На нем можно было рисовать пальцем, только палец быстро замерзал.

Дашка стала какой-то дикой, неохотно подлетала на зов, а на плечо садилась теперь только ко мне. И ночевала не на веранде, как раньше, а на большой елке в саду.

Как-то раз утром я взглянула на елку и подумала, что еще не проснулась: на елке сидели две совершенно одинаковых Дашки.

– Даша! – позвала я.

Одна из сорок спустилась по елке вниз и приветственно захекала. Я поняла, что это и есть моя Дашка.

– А это кто? – спросила я, показывая пальцем на вторую сороку.

– Кошмар-р! Ир-риска! – грустно сказала Дашка, а вторая сорока наверху сердито застрекотала. Наверное, запрещала Дашке говорить по-человечески.

Потом другая сорока взлетела и сделала круг над участком. Я заметила, что она все же крупнее Дашки. Дашка еще раз кашлянула и расправила крылья. Я подумала, что расвело уже давно, и, значит, Дашка специально ждала, пока я встану, чтобы со мной попрощаться.

Вторая сорока уже почти скрылась за лесом, а Дашка все еще кружила над участком и прощально стрекотала. Потом вдруг сложила крылья, упала почти к самой земле, снова взмыла вверх и быстро-быстро полетела прочь.

– Ну что, – сказал мне Ванька на следующий день. – Смылась ваша Дашка? А я что говорил? Для чего ты ее спасала? Сколько ее ни корми...

– Ты, Ванька, конечно, глупый, – сказала я. – И поэтому ничего не понимаешь. Но я тебе объясню. Я спасала ее просто так, чтобы она жила. И она жила с нами, пока могла. Но люди, конечно, не сороки. Когда-то она родилась в лесу. А теперь ушла обратно в лес. И что же тут непонятного?

Про медведей.

История первая.

Все знают, что медведей в Ленинградской области мало. Многие думают, что их нет совсем. Однако они все-таки есть. По крайней мере были лет двадцать – двадцать пять назад.

Однажды мы с Лехой Оскольским и Витьком шли по весенне-раскисшей дороге в Лужском районе. Теперь вся эта местность застроена садоводами, а тогда там стояли красивые смешанные леса с не очень густым подлеском. Леха, как всегда, пытался обратить наше внимание на какие-то чахлые образцы флоры, попадающиеся на обочине, и довольно бодрые образцы фауны, плавающие по поверхности и в глубине луж. Целью нашей экспедиции была старая, давно не действующая узкоколейка. Зачем мы хотели ее найти – за давностью лет не могу припомнить.

Весело, как во всемирно известной детской песенке, покачивался солнечный круг на голубом небе. На раскисшей глине и рыжем мокром песке четко отпечатывались следы. Мне всегда нравилось их читать, еще с детства, в котором существенной частью были Фенимор Купер и его Чингачгук с Соколиным Глазом.

Вот прошел кто-то в огромных сапогах. Бежала собака. Иногда собачьи следы перекрывают человечесьи, иногда – наоборот. Значит, человек и собака шли вместе, рядом. Очень возможно, что человек – охотник. Вот дорогу пересекает аккуратная, уже слегка размытая по краям следа стежка – это лисичка. Проследовала куда-то по своим делам, должно быть, ночью или утром. Будем надеяться, что с охотником она не встретится. Вот мышки-полевки – мелкие лапки с четко различимыми коготками, вот какая-то птица долго топталась на краю лужи – пила воду или пыталась поймать кого-то из водяной мелочи? Вот это, точно, сойка – бирюзовое, с крапинками перышко – красивое и изящное, как женское ювелирное украшение. Так... А это, позвольте, что?

– Леха, Витек – смотрите! – позвала я.

Парни тут же приблизились, наклонились, неравномерно близорукий Витек взглянул сильным глазом в сильное очко.

– О-о! – восторженно взвыл он. – Это же медведь!

– Действительно, очень похоже, – авторитетно подтвердил Леха.

Я опустилась на одно колено рядом с парнями, смотрела еще. Значит – медведь. Несомненно, задняя лапа. Толстая, глубоко вдавленная пятка, длиннющие когти. Поперечник следа сантиметров двадцать пять, то есть зверь вполне матерый. След совершенно свежий, не расплывшийся, под весенним солнцем еще не подсохли и не обсыпались края. Я только покачала головой...

С медведями мне доводилось встречаться в Зоопарке, но я сама с ними никогда не работала. Зоопарковские бурые Мишка и Машка были зверями огромными, умными, и чрезвычайно опасными. Мишка не дурак выпить бутылочку пива, Машка виртуозно клянчила сладости у посетителей...

– След совсем свежий! – радостно воскликнул Витек, видимо пришедший к тем же выводам, что и я. – Только что прошел!

– Смотрите, вот еще! Передняя лапа... опять задняя... смазано... – Леха прошел вперед и теперь склонялся и распрямлялся над дорогой. Вместе со своим станковым рюкзаком он был похож на оживший мультяшечный подъемный кран.

– Значит он по дороге шел! Прямо перед нами! Пошли скорей, может, догоним! – возбудился Витек.

– Не исключено, – подтвердил Леха. – Есть такая возможность.

И оба искателя приключений подпернули лямки рюкзаков и размашисто, во всю прыть поспешили вперед по дороге – 185 сантиметров Витек и за два метра Леха. Длина ног и шагов соответственная. Я, разумеется, сразу осталась позади.

– Мальчики! – осторожно окликнула я. – А зачем он вам нужен-то?

– Кто? – недоумевающе оглянулся Витек.

– Ну... медведь...

Витек посмотрел так, словно я сморозила жуткую глупость.

пость.

– В лесах Ленинградской области медведи – редкость. Они занесены в Красную книгу, – не оборачиваясь и все ускоряя шаг, сообщил Леха. Я поняла это так, что студенты в Ленинградской области встречаются гораздо чаще медведей и потому особой ценности не представляют. Студентом больше, студентом меньше...

Неслись рысью, то и дело оскальзываясь в колеи. Я промочила ноги. Витек уронил в лужу очки. Леха сиял глазами:

– Вот, вот только что... Может, за тем поворотом...

Я безнадежно отставала. В голове, как застрявшая пластинка, крутились два анекдота по теме.

Номер первый:

– Федь, а Федь, я медведя поймал!

– Так тащи его сюда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.